

Натали Третьякова
Параллели сознания

Повесть

Натали Третьякова

Параллели сознания. Повесть

«Издательские решения»

Третьякова Н.

Параллели сознания. Повесть / Н. Третьякова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966999-5

«Параллели сознания» — мистическая повесть, основанная на реальных событиях. Валентина — главная героиня повести — пытается разгадать посредством снов и видений тайну загадочного перстня с рубином, которым владели несколько поколений женщин её семьи.

ISBN 978-5-44-966999-5

© Третьякова Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	16
Глава 7	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Параллели сознания Повесть

Натали Третьякова

*Посвящается другу и коллеге
Суханову Дмитрию Владимировичу,
а также сестре
Калининой Елене Леонидовне.
Благодарю за идею повести, основанной
на реальных событиях жизни.*

© Натали Третьякова, 2019

ISBN 978-5-4496-6999-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1

В серое предрассветное окно смотрела немолодая женщина. Опустошённый взгляд остановился на розовеющей полоске неба, дающей надежду на новый день. Пепельные волосы, рассыпавшиеся по плечам, слегка шевелились от дующего через щели старой рассохшейся рамы утреннего сквозняка, но, похоже, женщина не замечала прохладной струи – бессонница, жестокая и неумолимая, преследовала который год, не давала отдохновения душе и телу. Каждая ночь, как испытание на прочность. Нервы были натянуты, потому и приходилось молиться и ждать рассвета как манны небесной, чтобы вступить в новый день без тревог. А ведь ещё пару часов назад «нечто» опять согнало с кровати – «то», что наваливалось тяжким грузом на грудь и давило, стараясь сжать сильнее, не давая дышать, произнести хоть слово и адекватно воспринимать окружающее пространство. Сколько же ещё мучиться ночными кошмарами? Почему так долго не отпускает это «нечто», за какие грехи приходится расплачиваться угасающим здоровьем?

Обернувшись, женщина посмотрела на стену и вскрикнула – опять этот теневой человеческий контур растекался по стене, бледнел, таял по мере приближения светового утра, чтобы в следующую ночь занять своё место и продолжить чёрное дело... А, может, это сон? Женщина ущипнула себя и...

...Сладко потянувшись в кровати, молодая девушка разлепила сонные веки: «Фу, снится же такое? Какой сегодня день? Ах, да, суббота! А сны пророческие снятся с четверга на пятницу, потому и переживать нечего! Впереди такой, полный радостных новостей, день!»

Неделю назад Валентине было сделано предложение – выйти замуж. Её любимый Виталька, обожавший девочку ещё со школьной скамьи, наконец-то решился на более смелый шаг, нежели ночные поцелуи у пруда под полной луной, да записки, которые влетали в форточку вместе с яблоком, завёрнутым в послание. Яблочный аромат, который впитывала в себя бумага, продолжительное время оставался на ладонях девушки и всегда ассоциировался с трепетными переживаниями души. Он напоминал бездонный обожающий взгляд Витальки, утопающий в глубине карих глаз Валентины. Напоминал лёгкий румянец на щеках парня. Виталий, смущаясь, преподносил девушке букет полевых цветов в знак благодарности, что на его чувства отзываются взаимностью.

Парень был на пару лет старше Валентины. Когда в третьем классе скромную девочку толкнул невыносимый одноклассник Сашка, и она, не удержавшись, стала падать вперёд, рискуя расквасить нос о перила лестницы, на пути девичьего «полёта» встал крепкий торс. Мальчик-то и перехватил девочку, прижал к груди, а потом громко крикнул хулигану: «Ещё раз тронешь – будешь иметь дело со мной!» – и погрозил кулаком Сашке, который, трусливо сжавшись, тут же убежал по лестнице вверх. А Валя только теперь подняла глаза и утонула в озорных мальчишеских зрачках, которые с интересом разглядывали её веснушчатое лицо.

– Спа-с-сибо! – пролепетали детские губы. Валя в смущении отстранилась от мальчика, поправив ляжку на фартуке, съехавшую на плечо.

– Что, обижает этот...? – он махнул головой в сторону убежавшего Сашки.

– Да... так, за косу больно дёргает, сидит позади меня и мешает во время уроков, – ответила, чуть осмелев, Валя.

– Ну, не переживай. Я поговорю с ним, больше не тронет. Давай, после уроков провожу домой? Когда последний заканчивается? – предложил парнишка.

– Сложно сразу ответить... М-м-м, всего пять уроков, надо расписание посмотреть, я время окончания не помню... Учебный год ведь только начался, расписание меняется, – ответила девочка и почему-то покраснела от перспективы внезапного свидания. Её никто и никогда не провожал до дома, а тут, похоже, назревает целое свидание.

– Хорошо, встретимся после уроков, буду тебя ждать у дверей школы, – пообещал мальчик и как-то бесхитростно подмигнул, а потом стал удаляться по коридору, но, как будто опомнившись, обернулся и быстрым шагом направился к ней. Подойдя вплотную, спросил: – А... как зовут-то тебя?

– В-валя... – выдавила девочка.

– Красивое имя. И с моим схоже. Я Виталий. Рад знакомству! – и, протянув руку для пожатия, мальчишка заставил окончательно покраснеть девчущку, которая тут же опустила голову от смущения. Ладонь, слегка влажная, дрогнула, выпуская пальцы мальчика. Развернувшись на одной ноге, девочка лихо побежала по лестнице вверх – звонок уже был дан, надо было спешить на математику. И так она изрядно задержалась. Появившись в классе последней из учеников, Валя извинилась перед учителем и прошла на своё место, победно глянув на Сашку, который почему-то стушевался и поник. Девочка поняла, что теперь её коса будет в полном порядке, да и она сама теперь незримо находилась под защитой нежданного героя – Виталия.

Глава 2

Небольшая спальная комната была убрана по старинке. На старом комодке стояли бронзовые часы, мерно отбивающие ритм ходовой секундной стрелкой. Белые вязаные салфетки лежали на серванте, на них располагались небольшие фарфоровые фигурки: семь слонов, которые должны были приносить удачу. Старый оранжевый абажур ярким пятном выделялся в комнате, радовал глаз своей необычной формой. Под ним так приятно было читать романы по вечерам, что очень любила делать Валентина. Но сейчас утренний луч пробивался сквозь кружевные накрахмаленные занавески, щекотал теплом розовый румянец, играя на щеке полусонной девушки. Она ещё раз сладко потянулась в постели, а потом ловко соскочила с кровати.

Вдруг ухо уловило какой-то шум с улицы, как будто кто-то выл, долго и нудно причитая. И этот бабий плач выворачивал душу тоской и неотвратимой неизбежностью чего-то страшного. Шум нарастал бесчисленным человеческим говором, множился. Валентина, в спешке накинув платок на голые плечи, босая, выскочила на крыльцо, где стояли уже мама с бабушкой, что-то между собой обсуждая.

– Что случилось, мам? – в тревоге спросила Валентина. – Кто кричит на улице?

– Не знаю, доченька. А ты не стой босиком, а то простудишься. Иди в дом и оденься, – сказала мать и стала спускаться по разошедшимся ступенькам крыльца.

Валентина пожала плечами, слегка поёжилась, так как осеннее утро было достаточно прохладным. На душе разлилась тоска: «Умер что ли кто-то? Зачем так кричать на всю улицу?» – подумалось ей. Девушка вздрогнула от металлического стука замка калитки – это мать вышла со двора, чтобы узнать о причинах уличного шума. Валентина вошла в спальню, которая уже не была такой уютной, как утром, потемнела, видать, солнечные лучи спрятались за тучи, и спальня приобрела какой-то сероватый оттенок. Девушка спешно скинула с себя лёгкую ночную рубашку, мельком взглянула на своё отражение в старом зеркале трюмо. Невольно залюбовалась собой: что и говорить, юное тело было красиво и упруго. Валентина улыбнулась, вспомнив то, как на последнем вечернем свидании под старой яблоней Виталька неуверенно коснулся ладонью груди девушки, а потом в смущении попросил прощения за то, что не удержался от такого смелого поступка. Она провела тёплой ладонью там, где коснулась рука Витальки, и прикрыла глаза. Скоро, совсем скоро она станет его женой, и тогда...

Открыв глаза, Валя увидела в отражении, как лицо залил румянец, а дыхание стало прерывистым, волнующим. Отпрянув от зеркала, девушка быстро натянула просторную кофту и юбку и начала собирать постель, которая ещё хранила тепло её тела. Тщательно заправив покрывало и взяв в руки подушку, она обернулась на скрип входной двери. В проёме стояла бледная мать, в глазах – растерянность и боль, а губы её только смогли вымолвить: «Доченька, ты только держись... Виталий...»

Что происходило дальше, Валентина помнила плохо. Ноги стали ватными, в животе как будто что-то оборвалось и тяжело спустилось вниз. Она ещё не поняла сути сказанного, но почувствовала, что случилось нечто непоправимое. Тяжело опустившись на кровать, чтобы найти опору, Валя только успела выдохнуть: «Жив...?» И как в замедленной съёмке увидела – мать покачала головой в отрицании. Глубокая бездонная яма вмиг засосала сознание девушки, она упала без чувств на только что прибранное и разглаженное покрывало...

Глава 3

...Валентина тяжело разлепила свинцовые веки. Сквозь стекло бил яркий луч, он горячо припекал макушку, из-за чего в висках образовалась тупая боль. «Надо же, уснула на подоконнике», – горестно вздохнула женщина. Она подушечками пальцев начала растирать затёкшие плечи, на которых, уронив голову, уснула на рассвете. Этот короткий утренний сон принёс временное облегчение от жестокой бессонницы. И теперь надо было собирать себя в кулак и находить силы для того, чтобы успеть на работу – в швейный цех. Там, под жужжание машины, можно было отвлечься от тяжких дум и воспоминаний. А вспомнить было о чём...

...Ледяной ветер обрушивался с какой-то невыносимой злобой на голые кустарники и деревья, трепал с бесноватым усердием концы чёрного платка Валентины. Юбка, длинная суконная, облегла ноги, как будто пыталась спеленать волю девушки. Последние слова прощания с усопшим, безвременно ушедшим молодым парнем, глухо звучали из уст ближайших родственников. Сознание Валентины отказывалось принимать то, что это недвижимое восковое тело в костюме кофейного оттенка, лежащее в гробу, было когда-то человеком – её любимым Виталькой, смешливым и робким. Разноголосый плач женщин вводил в тупой транс, казалось, что всё, происходящее здесь и сейчас, нелепо и неправдиво, как в тяжком сне, от которого надо очнуться, стоит только захотеть. Девушка ущипнула себя за запястье, больно, с отяжкой, чтобы вернуть сознание, но сон не уходил – реальность была ужасной. Она стояла на сельском кладбище, а вокруг кресты и памятники, целый мёртвый город. И только группа немногочисленных людей, одетых в тёмные одежды, как-то оживляла унылую картину. Вот сейчас каждый удар молотка, забивающего гвоздями крышку, звучал внутри тела девушки, как выстрел в её исстрадавшееся сердце. Четверо мужчин на полотенцах стали опускать бордовую домовину. Плач женщин усилился. А потом начали падать комья земли тупым стуком, как будто кто-то планомерно решил свести девушку с ума: «Тук, тук, тук...» Её ноги вросли в землю, слёзы, такие непрошеные, застыли в широко раскрытых, немигающих глазах. Кто-то мягко обнял за плечи. Это была мать, которая помогла дочери пригнуться к земле и взять глинистый ком, а потом, сделав несколько шагов к ощерившей свою пасть могиле, разжать в судороге сцепившиеся пальцы, чтобы отдать последнюю почесть покойнику. На какое-то время Валентина зависла на краю, всматриваясь в ящик, покоящийся на дне. Ей захотелось остаться там, внизу, но крепкие руки матери удерживали дочь от отчаянного шага. Губы Валентины прошептали: «Прощай, любимый...» – и потоки слёз полились по щекам, жгуче-солёные, обильные. Прорвало...

Долго ещё обсуждалось досужими кумушками района то, как нелепо погиб Виталий – ночью ехал на велосипеде и был сбит грузовой машиной. Водитель грузовика уснул за рулём, устал во время осенней страды, битвы за урожай, став невольным убийцей молодого девятнадцатилетнего парня.

Глава 4

Прошло два долгих года, ничем не примечательных. День сменял ночь, неделя неделю. Валентина закрылась в своём горе, но это не помешало ей выучиться на швею, и теперь с лучшей подругой Светланой она ходила посменно на фабрику. Однообразие жизни не смущало Валентину. Она не посещала клуб, не бегала по вечерам на танцы, хоть и звали подружки, редко приглашала к себе. Время немного сгладило сердечную тоску, но память упорно возвращала к тому, кого украла злодейка-судьба.

Однажды после ночной смены Валентина и Светлана стояли на автобусной остановке. В бумажном кульке глянцево красовались сушёные финики, приобретённые в фабричной лавке – лакомство, которое могли позволить себе подружки на завтрак. Вдруг на остановке появился третий. Свободной походкой к девушкам подошёл парень – высокий и самоуверенный. Ничуть не стесняясь, попросил друг угодить его лакомством. Валя со Светланой переглянулись и прыснули от смеха. Просьба была неожиданной.

– Хорошо хоть не попросил закурить, – ответила смело Светлана, а Валентина протянула кулёк из газеты и предложила финики.

Парень, протянув руку, вдруг замер, внимательно вглядываясь в лицо Валентины:

– О, кого же я вижу! – в восхищении сказал он. – Не думал, что вернувшись из армии, встречу ту, которую дёргал в школе за косы. Узнаешь меня, Валя?

– Санёк, – выдохнула девушка и слегка покраснела от смущения. – Тебя и не узнать. Возмужал.

– А вы знакомы? – спросила с любопытством Светлана, окинув взглядом с ног до головы парня, как бы прицениваясь к его росту и внешности.

– Да, мы учились когда-то в школе, – подтвердил он, не отрывая пытливого взгляда от лица Валентины. – Нравилась мне одноклассница, а я ей – нет. Вот такая нелепая история. Но очень надеюсь, что ситуация изменится, и наше давнее знакомство будет иметь продолжение... Ну так как? Угостите финиками? – и парень, ничуть не стесняясь, ухватил длинными пальцами сушёный плод и закинул его в рот, довольно улыбаясь.

Девчонки тоже улыбнулись в ответ. И так, пока ждали автобус, они дружно съели все финики. Саша почему-то не выбрасывал косточки, а складывал в карман. На вопрос, зачем он это делает, отшутился, что высадит в огороде и будет выращивать пальмы, чем рассмешил девушек.

А потом, в салоне автобуса, всё не сводил взгляда с Валентины и даже вызвался проводить девушку до дома. Светлана, поняв, что будет третьей лишней, распрощавшись с подругой, ретировалась, а Саша повёл Валентину к дому, по пути рассказывая ей об армейской службе – травил байки, делился впечатлениями о природе тех краёв, где ему довелось служить. Дойдя до калитки, взял с Валентины слово, что непременно встретится с ней вечером, чтобы сходить в клуб на танцы. Валентина хотела было отказать, но парень так её уговаривал, что пришлось согласиться. В конце концов, жизнь продолжалась, и заживо себя хоронить в стенах собственного дома Валентине уже не хотелось – надо было строить свою судьбу. Мать часто болела, да и бабушка уже была не такой крепкой, как пару лет назад. Главной опорой теперь была Валентина. Очень не хватало семье, состоящей из одних представительниц прекрасного пола, крепкого мужского плеча. И в девках Валентина по меркам сельчан уже засиделась – ей шёл двадцать первый год. Многие одноклассницы уже с детьми нянчились, а Валя всё пестовала своё горе, тоску по безвременному ушедшему Виталию. Надо было что-то менять в жизни. И теперь появился шанс – постараться стать счастливой.

Уже вечером, после танцев, лёжа в постели, девушка прокручивала в голове нехитрый рассказ Александра. Он с братом Владимиром рано лишился родителей. Из родных только

бабка Авдотья да дед Михаил – калека, потерявший ногу во время войны. Из-за инвалидности деда старики не решились взять на себя ответственность по воспитанию детей – сдали мальчиков в детский дом.

Потеряла Валентина из виду Сашу: как-то быстро парень ушёл из их класса. Но она даже не переживала по поводу его быстрого исчезновения: слишком долго Санёк доставал девочку в начальной школе, был задирист и хулиганист, потому Валя вздохнула свободно, когда в шестом классе он перестал присутствовать на занятиях.

Когда мальчики подросли, стали взрослее и самостоятельнее, бабка с дедом решили, что им нужна опора в жизни, потому и забрали внуков из детского дома. Но взаимопонимания с кровными родственниками не нашли: дети не простили предательства. Воспоминания о годах, проведённых в детском доме, давали о себе знать. Глухая стена непонимания выросла между стариками и детьми родной, рано умершей, дочери Раисы. Владимир ушёл в армию моряком на три года, а потом и остался в Мурманске – ходил на рыболовных судах. А вот Саша после службы в железнодорожных войсках всё-таки вернулся на родину, остановился у стариков, стараясь забыть детскую обиду. Устроился работать на железной дороге рабочим, а также поступил в училище, чтобы в будущем стать машинистом электропоезда. И вот теперь, совершенно случайно, встретил Валентину на остановке и теперь надеялся на развитие отношений – как-никак детская любовь сидела занозой в сердце.

Валя умом понимала, что Саша для неё – неплохой вариант: любит её, работает, в дальнейшем, когда освоит профессию, продвинется по службе. Парень целеустремлённый, самостоятельный, трезво смотрящий на жизнь. За такого можно и замуж выходить. Вот только воспоминания о Виталии мучили, жгли, не давали уснуть. Долго Валя крутилась с боку на бок в постели, раздумывая о своём будущем с Сашей, пока не провалилась в тяжёлый сон...

Глава 5

В дверь постучали. Валентина, оторвав голову от подушки, встала босыми ногами на дощатый пол и отправилась открывать дверь, привычно оглядываясь на тёмные углы. Она никак не могла избавиться от присутствия некоей силы, которая не давала ей покоя на протяжении многих лет.

– Привет, – поздоровалась пришедшая подруга Светлана. – Как сегодня чувствуешь себя? Пospала хоть немного?

– Спокойно засыпаю только под утро, потом чувствую себя разбитой целый день. С этим надо что-то делать. У кого просить помощи? – спросила Валя, и глаза её слегка увлажнились.

– Знаешь, подруга, я узнала интересный адресок в одной деревне соседнего района. Там проживает женщина-ведунья, она умеет выливать воском испуг. Давай съездим к ней, Валь? Возможно, сумеет тебе помочь? – предложила Светлана, присаживаясь на стул.

Валентина, набросив на плечи шаль, задумалась, решая, как поступить.

– Ты, правда, думаешь, что кто-то сможет избавить меня от мучений? – с надеждой в голосе произнесла она.

– Не уверена, но попробовать стоит! Вон у тебя Санечка-сынок подрастает. Зачем ему мать-неврастеничка? И так ребёнок переживает за тебя, говорит, что плачешь по ночам, а если и засыпаешь, то кричишь во сне. Надо что-то делать, Валя! К докторам обращаться неохота, да и кто поможет? Еще, чего доброго, к психиатру отправят, а нам это надо? Я же знаю, что ты нормальная. Это всё бабка та проклятушая, чтоб ни дна ей ни покрывки, прости Господи! Она тебе жизнь испортила, гадина!

– Света, прошу, не вспоминай её! Уже который год хожу и оглядываюсь, только чтоб её не встретить, – с ужасом в глазах ответила Валя.

– А в детстве у тебя не было страхов? – спросила Светлана.

Валентина задумалась, не зная, как бы ответить подруге, чтобы она не посчитала её за сумасшедшую, но ближе Светы у неё никого не было, потому и скрывать особо нечего – пусть знает, что зло всю жизнь шло по пятам.

– Знаешь, – начала Валентина свой рассказ, – я была всегда очень впечатлительным ребенком. Боялась темноты, верила в мистические истории, одним словом, была суеверна. Вот не знаю, откуда у меня это, но я всегда чувствовала, что кто-то наблюдает за мной со стороны. Ещё и эти детские страшилки по ночам вгоняли меня в ужас. Помнишь, когда мы с тобой были в трудовом лагере, нам рассказывали истории одну страшнее другой?

– Да, – ответила Света, – мне тоже было страшно засыпать после тех историй, но я как-то постаралась быстрее стереть их из памяти, не заморачивалась...

– А я все пугалки и страшилки помню, – печально вздохнула Валентина. – Скажешь, детский лепет, но почему-то я искренне верила в то, о чём нам рассказывали девчонки по ночам. И тот испуг до сих пор сидит во мне. Помнишь, в самом напряжённом по накалу страстей месте рассказа, в нашу комнату ворвались пацаны с пододеяльниками на головах и с криками, что заберут наши души? Наверное, я слишком впечатлительна.

– А может, клин клином? – спросила Света. – Вот расскажи, какая история больше всего поразила тебя? Возможно, если пожелаешь поделиться со мной сейчас, то потом будешь к страху относиться проще? Расскажи, – предложила подруга.

– Ну, хорошо, слушай. – И Валя начала свой рассказ, который помнила ещё девчонкой, мучивший её необоснованным ужасом до сих пор.

Это случилось после войны. Одна женщина ждала своего мужа, надеялась, что он вернётся живым, так как похоронку на него не получала, но, сколько ни делала запросов, ответ

приходил один и тот же: «в списках не значится». Но она верила и ждала, потому и отвергала ухаживания других кавалеров, хоть была достаточно молода и красива.

В один поздний вечер в дверь её дома постучали. Женщина побоялась открыть незнакомому человеку, потому, тихо подойдя к двери, спросила: «Кто там?» В ответ она услышала голос мужа, который обратился к ней с необычной просьбой: «Я вернулся, Антонина, только прошу – скинь дверной крючок и иди в дальнюю комнату. Я войду в хату, сяду за стол и позову тебя сам». Антонина не посмела послушаться. Сказать, что обрадовалась, – ничего не сказать: сердце её трепетало от счастья и волнения. «Вернулся живой! Я знала! Теперь всё будет хорошо!» – проносилось у женщины в голове. Она скинула крючок с петли, ушла в дальнюю комнату и села на кровати. Оттуда слышала тяжёлую мужскую поступь, звук отодвигаемой скамьи и шумный выдох. А потом такой родной голос сказал: «Заходи, Антонина, в комнату!» Женщина вошла и замерла на пороге. Верила и не верила глазам. За столом, накрытым длинной белоснежной скатертью, сидел её благоверный. Лицо осунулось, щёки заросли густой бородой, но глаза светились живо, смотрели с нежностью на свою жену. Антонина не удержалась и бросилась в объятия мужа, стала горячо обнимать, целовать и обливать его густые усы своими слезами: «Вернулся, родной! Слава тебе Господи!» При этих словах муж, слегка нахмурившись, отстранился от супруги и сказал: «Ну, полно тебе, Антонина, плакать. Накрывай на стол, голоден я!» Женщина тут же вытерла слёзы. Спohватившись, побежала в летнюю кухню, где у неё ещё была тёплой печь. С вьюшки сняла котелок с кашей, в амбаре достала кусок сала и солёные огурцы да не забыла прихватить графинчик яблочного крепёного вина для мужа – отпраздновать его возвращение. Всё это внесла в дом, а муж так и продолжал сидеть за столом, не двигаясь. После того, как долгожданному хозяину дома была подана еда, он начал жадно есть, нахваливая хозяйку, а она смотрела влюбленными глазами на супруга и не могла вымолвить ни слова. После трапезы муж вытер усы вышитой салфеткой и сказал Антонине: «Спасибо тебе, любимая жёнущка. Так вкусно давно меня не кормили. Всё хорошо, но сейчас я буду вынужден уйти. Поверь, так надо! И прошу: никому не рассказывай, что я у тебя был, иначе потеряешь меня навсегда. Я вынужден скрываться, потому как совершил такой поступок, за который мне нет прощения от властей. Если кому расскажешь, что видела меня – я исчезну, и мы больше никогда не встретимся. А теперь иди в комнату. Когда я уйду – закрой дверь. И будешь ждать меня до следующей ночи. Будь послушной!» – и так посмотрел на Антонину, что у неё задрожали колени – настолько пронзительным и устрашающим был его взгляд. Она только смогла кивнуть головой в знак согласия. Молча встала и ушла к себе в спальную комнату. Уткнулась головой в подушку и расплакалась. И только ухом уловила стук закрывшейся входной двери. Выплакав слёзы, встала, убрала со стола и закрыла дверь на крючок, а потом долго не могла уснуть, решая тайну внезапного возвращения и скоропалительного исчезновения любимого мужа Данилы.

На следующую ночь история повторилась: так же странно встречала Антонина мужа, и таким же образом он исчезал из хаты, плотно повечеряв, но каждый раз оставляя жене какой-нибудь незначительный подарок – платок, деревянные расписные ложки, серьги. В пятничный вечер принёс перстень с рубиновым камнем и приказал надеть на палец, мол, он символ любви. Но ни разу не приласкал жену, не остался с ней на ночь.

Прошла неделя, и Антонина в жутких сомнениях – а муж ли к ней приходит, так как поведение ночного гостя её сильно настораживало – решила пойти на хитрость. В воскресный день, изрядно наготовивши всяких яств и подсыпав в вино сон-травы, Антонина стала ждать мужа. Но предварительно прорезала небольшую дырочку-глазок в занавеске, которая висела в проёме и отделяла спальную комнату от гостиной. Как и всегда, ближе к полуночи, раздался стук в дверь. Антонина скинула крючок и прошла в свою комнату, но не села на кровать, а спряталась за занавеской, чтобы увидеть то, как её Данила будет входить в комнату и садиться за стол. Тяжёлая поступь дала ей понять, что муж уже в комнате. Антонина при-

льнула к глазку и оберла – нижняя часть туловища мужа была нечеловеческой. Вместо ног у него были копыта и хвост. Женщина стояла, чуть дыша, и только голос ночного гостя вывел её из ступора: «Ты можешь угостить меня, Антонина!» Выйдя из комнаты, она не могла произнести ни слова, находясь в полуобморочном состоянии, но, взяв себя в руки, смогла поздороваться и положить еду в тарелку.

«Что-то ты неласкова со мной, жёнушка. Или случилось чего?» – спросил так называемый муж, грозно посмотрев на Антонину. Она сослалась на недомогание. Сидела за столом и молчала, ждала, когда подействует сон-трава, потому как чувствовала, что из-за раскрытия тайны этого странного гостя ей несдобровать. Когда у него начали слипаться глаза, Антонина выскочила из дома и побежала через ночной лес в соседнюю деревню, к матери. Ветки и кустарники цеплялись за юбку, ноги проваливались во мхи, спотыкались о сучья, но Антонина бежала, объятая страхом. И этот страх был не напрасен. Через некоторое время, отошедши от забытья, Данила понял, что тайна его раскрыта, потому и бросился догонять – скачками перепрыгивал огромные поваленные деревья, бежал в ночи, как будто видел все препятствия как при дневном свете, но женщина убежала раньше, потому и догнать было непросто. А тем временем Антонина добежала до дома матери и начала барабанить со всей силы в дверь. Мать-старуха открыла дочери и сразу не узнала её – Антонина поседела за одну ночь, глаза безумны, а изо рта – нечленораздельное мычание. А потом дочь метнулась к печи и спряталась за нею, со страхом глядя на дверь. Мать в это время повернулась к распахнутой двери и увидела горящие глаза. В следующую секунду что-то косматое и страшное, на двух копытах, ворвалось в дом, схватило мать Антонины за горло, и тут же раздался хруст – это шейные позвонки не выдержали смертельного ухвата. Тело матери повисло тряпичной куклой в руках чудовища, а потом было отброшено на лавку. Антонина стояла ни жива ни мертва, и только безымянный палец, на котором было надето кольцо с рубином, стал гореть неистово. Она сняла перстень и швырнула в того, кто убил её мать. Тут же разверзлась земля, пахнуло серой, и чудовище с громким криком провалилось в преисподнюю. Антонина же осела на пол и потеряла сознание.

С тех пор из села в село стала ходить косматая седая баба в отрепьях и всем грозить пальцем. И на кого покажет – с тем случалась беда: либо болезнь нападала на домочадцев, либо скотина проваливалась в болото, либо куры дохли. И боялись сельчане полоумную бабу, обходили её стороной. И даже священник не смог изгнать из неё беса: как только подводили Антонину к церковному двору – тут же падала баба, кричала неистово, вещала о геенне огненной и о расплате за грехи. А потом, говорят, исчезла. Возможно, утонула в болоте или звери лесные растерзали, но с тех пор то место, где стоял дом Антонины, называли «ведьминым». Много людей пропало, как только приходилось им забрести в тот лес, где за Антониной гналась нечистая сила. Некоторые же, особо бесстрашные, выбирались живыми, но потихоньку сходили с ума – всё им виделась Антонина, изрыгающая проклятья...

...Вдруг в смежной со спальней комнате что-то упало с полки. Светлана и Валентина вздрогнули, побледнели.

– Что это? – шёпотом спросила Света.

– Ох... – вздохнула Валентина. – Неужели даже днём шалит...? Ночью покоя никакого, а тут опять...

Она встала, прошла в комнату и нагнулась, чтобы поднять книгу, которая со вчерашнего дня лежала на столе, но теперь валялась на полу и была раскрыта на тринадцатой странице. Валя поёжилась, потому как показалось, что из угла комнаты на неё повеяло холодом. «Опять козни бабки Авдотьи, – подумала она. – Когда же закончится этот ужас?» Валентина повер-

нула бледное лицо и увидела в проёме Светлану, которая застыла в немом вопросе, взглядом указывая на предмет: «А кто уронил книгу...?»

Глава 6

В этот особенный осенний день всё дышало добром. Душа Валентины ликовала, но в то же время волновалась: сегодня их дом посетят сваты, и она впервые познакомится с родственниками будущего мужа Александра. Девушка проснулась рано, умылась и заплела косы. Мать по такому случаю купила в сельмаге красивое платье для Валентины – оно чудесным образом облегло фигурку и сидело на невесте как влитое. Валентина покружилась у зеркала и зажмурила глаза от удовольствия, а потом, раскрыв их, невольно вздрогнула: на миг ей показалось, что в отражении мелькнул печальный силуэт. Встряхнув головой, Валя отошла от оцепенения, решив, что ей просто померещилось – видать, солнце резко зашло за тучку и тут же вынырнуло обратно, и эта игра светотеней дала такой неожиданный эффект.

Из города на сватовство была приглашена тётка – жена родного брата матери. Уж она-то была знатная сваха-сговорщица. Не было равных тётке в застольях. Клавдия умела говорить красиво и длинно. Кому, как не ей, описать все достоинства невесты? А еще тётка была мастерица в кулинарии. Столы у неё всегда ломились от яств. Вот и сейчас она постаралась на славу – на столе лежали расстегаи, самовар дымился, поджидая гостей, в вазочках плавало прозрачное варенье, а в котелке на печи томила янтарная уха.

Валентина, отодвинув кружевную занавеску, выглянула в окно. По улице двигалась небольшая процессия, приближающаяся к их дому. Впереди гордо выступал Александр с молодым дружкой, которого Валентина никогда раньше не встречала. Далее следовали родственники, и замыкали процессию бабушка и дед. Старик шёл, прихрамывая, опираясь на костыль. Тут Валентина увидела, как бабка, оглядевшись по сторонам, развернула свёрток, который она держала в руках, и достала половинку оранжевой тыквы. Её-то и положила у порога калитки, а потом, выудив из кармана засохшие цветы цикория и васильков, также разбросала у порога, и только потом вошла во двор. «Странно, – подумала Валя, – обычай, что ли, такой? К чему эта тыква и засохшие цветы? Кто поймёт этих стариков, как там принято сватать? Но... не буду заморачиваться», – и девушка побежала встречать гостей.

Застолье было шумным. Дружок жениха Василий превозносил заслуги жениха, рассказывал, какой он надёжный и твёрдо стоящий на ногах человек. Клавдия тоже не упускала возможности, чтобы нахвалить все достоинства невесты. Бабка с дедом больше отмалчивались, только косились на Валентину и иногда перешёптывались, как бы рассуждая между собой – насколько эта девушка годна в качестве жены для их внука Саша. Когда было выпито гостями немало и съедено достаточно много, начались песни. Валентина любила петь, но в этот раз отмалчивалась, поглядывая на Сашу. А того, похоже, затянутое сватовство уже начало раздражать. Он, наклонившись к уху Валентины, шепнул невесте, что теперь можно сбежать от родственников, прогуляться, так сказать, до реки. А то смотреть на пьющих и жующих людей надоело, и что они наедине смогут провести время более приятно. Валентина согласилась с предложением, потому, извинившись, выскользнула из-за стола. Александр вслед за ней, улыбувшись, взял невесту за руку и направился к калитке. Не заметив разбросанные сухие стебли цикория и соцветия васильков, первым наступил на них и выругался: «Тьфу, что за чёрт! Зачем они здесь? И эта тыква...» Пнув по тыкве, он откатил её в небольшую канавку, а Валя испуганно посмотрела на него.

– Возможно, всё это зачем-то здесь нужно. Это положила твоя бабушка. Не надо было так расправляться с тыквой. Кто знает, что означают такие подарки?

Саша рассмеялся, приобняв невесту:

– Слышал я, что на Украине девушки парням тыкву выкатывают во время сватовства, если женихи не любы, а тут что? Знай, я ни за что не расстанусь с тобой, Валюша, так как люблю тебя. А все эти обряды... чихать на них хотел. Мы же с тобой современные люди. А старики пусть балуются, как хотят. Нам какое дело до их чудачеств? Возможно, ты права. Ладно, поставлю эту тыкву на место.

И он, взяв половинку тыквы обеими руками, снова водрузил на то же самое место, где она находилась изначально. Валентина улыбнулась, одоблив его поступок, а потом они направились к реке Кубани. Хотелось побыть наедине, полюбоваться закатом и красками догорающей осени. Александру не терпелось показать, насколько он расположен к Валентине, да и девушка ждала от него нежности и скромных поцелуев.

Глава 7

Старый тряский автобус долго укачивал подруг, двигался по просёлочной пыльной дороге медленно, как будто оставлял время на размышление – правильно ли поступили они, поддавшись суевериям и, наконец, решившись съездить к ведунье, чтобы та помогла Валентине избавиться от бессонницы и мучивших кошмаров. Валя тревожно смотрела на Светлану, но та лёгким пожатием руки подбадривала подругу. Она и сама устала бегать в соседний двор – выручать Валентину, когда та с отчаянием и каким-то остервенением начинала молотить по стенке ложкой, чтобы её спасли, но... от чего? От страхов, с которыми жила Валентина или от самой себя?

Автобус подкатил к конечной и остановился. Девушки вышли последними, оглянулись по сторонам, но улица была безлюдной.

– Ладно, сами найдём дом по адресу, раз спросить не у кого, – сказала Светлана и ободряюще подмигнула взволнованной Валентине.

Долго они петляли по улицам посёлка. Наконец, повстречался старый дед, который подсказал подругам правильное направление, но при этом как-то долго и задумчиво посмотрел на них.

– К Марии идёте? Ну-ну, видать, нелёгкая вас принесла. Ступайте, девоньки, ступайте...

На самом краю посёлка, у заросшего пруда, подруги увидели бревенчатый дом. Из трубы шёл дым, несмотря на то, что на дворе стояло раннее лето, и погодка была тёплой. Переглянувшись, Светлана и Валентина взялись за руки, чтобы придать уверенности друг другу, и направились к калитке. Собаки во дворе не было видно, потому они вошли во двор смело и поднялись на крыльцо. Вдруг перед ними резко распахнулась входная дверь. От неожиданности женщины отпрянули, но пронизывающий взгляд тёмных глаз словно пригвоздил их к месту.

– Чего пришли? – грозно спросила хозяйка, окидывая подруг с ног до головы, как будто пытаясь самостоятельно определить причину визита.

– Здравствуйте, – отойдя от первоначального шока, пролепетала Света. – Я Светлана, а это – моя подруга Валентина. Мы к вам за помощью. От испуга надо избавиться.

– Тебе не надо, – ответила ведунья, – а вот ей... – и, указав артритным пальцем на Валентину, она продолжила, – помощь нужна. Крещёная? – в лоб спросила Валентину и пристально посмотрела на грудь, прикрытую тонкой сорочкой.

Валентина невольно поднесла руку к груди, закрываясь от пристального взгляда.

– Меня в детстве бабушка крестила в церкви, но я в неё не хожу. Не положено, так как я комсомолка. И крест на шее не ношу, но сам крестик, дарованный при крещении в младенчестве, со мной, – как бы оправдываясь, пролепетала Валентина. Она полезла за пазуху и из бюстгальтера достала свёрнутый носовой платок, который стала разворачивать дрожащими пальцами. Потом вынула из него на серой нити небольшой церковный крестик.

– Надень на шею и заходи, – приказала ведунья, – а ты, – показав пальцем на Светлану, – оставайся во дворе. Можешь воды испить, там под навесом, в кувшине. Она чистая, родниковая.

– Спа-с-сибо, – слегка заикаясь от волнения, пролепетала Светлана и, пожав пальцы Валентины, спустилась с крыльца.

Валентина спешно надела нить, спрятала крест за ворот сорочки, а потом посмотрела на ведунью.

– Ну, чего стоишь, как вкопанная? Заходи, коль пришла, – уже мягче пригласила в дом ведунья. – Кстати, меня Марией зовут.

Валя неуверенно вступила в тёмную горницу. Кругом на полках и на полу стояли стеклянные банки, чем-то наполненные. Вдоль стен на гвоздях висели засушенные травы. Посреди комнаты находился дубовый стол, на котором расположились небольшая округлая чаша, кувшин и толстая свеча.

– Как видишь, жду тебя. Всё уже готово, – глухо сказала ведунья.

– А откуда вы знали, что я к вам еду? – в изумлении спросила Валентина.

– Святые угодники донесли весть, – улыбнулась та, а потом продолжила: – Да ты не бойся, не съем я тебя. Помочь хочу, но сначала надо понять, с чем мы дело имеем. Сядь за стол. Молиться умеешь?

– Нет, – честно призналась Валентина.

– Эх, молодежь... про Бога забыли, поклоняются идолам, оттого и беды. Ну да ладно, сиди и повторяй за мной слова молитвы.

Валентина, отодвинув стул, присела на краешек и закрыла глаза – ей было немного не по себе находиться в этой странной горнице, но слова молитвы, которые начала шептать ведунья, немного успокоили: «Отче наш. Иже еси на небеси. Да святится имя твоё...»

Она с усердием проговаривала слова молитвы, что произносила ведунья, и какое-то внутреннее умиротворение снизошло на неё. После троекратного прочтения «Отче наш», ведунья налила в чашу из графина воды и зажгла свечу. Свечой три раза провела над головой Валентины, а потом начала капать воск в чашу, приговаривая при этом: «Отразись на воске порочное, что на Валентине. Всё злое, колдовское, вредоносное, наносное, подселённое, подложенное, крадущееся, переложённое, насказанное да сглаженное. Всё, что дурными людьми Валентине сделано, всё, что колдунами да колдуньями Валентине послано. Отразись на воске всё чёрное, колдовское, посланное, поддельное, неродное, всё, что в крови, в суставах, костях Валентины, голове, во всех органах, да тонких телах Валентины. Отразись всё сказанное да впитайся в воск, в нём сохранись да мне покажись». Воск капал, а ведунья всматривалась в чашу и лик её мрачнел. Валентина с тревогой пыталась прочесть на лице ведуньи эмоции, чтобы понять, что происходит, но та молчала. В горнице повисла тишина. Через некоторое время ведунья молвила:

– Тут не простой испуг надо выливать, а порчу снимать. Сильный заговор был на тебя сделан. Но мне надо понять, с чем дело имею и кто порчу на тебя навёл. Знаешь того, кто сделал? – спросила она, заглядывая Валентине в глаза, как будто хотела увидеть душу.

– Я могу только догадываться, – пролепетала та. Сердце колотилось, как у загнанной лани, пальцы дрожали.

– Пойдём поговорим, девонька. Ты вот что, водички испей чистой, родниковой, легче станет, – предложила ведунья, и в голосе появились тёплые материнские нотки. – Рассказывай...

Валентина, тяжело вздохнув, собралась с силами и поведала ведунье долгую историю жизни, всё то, что лежало камнем на душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.